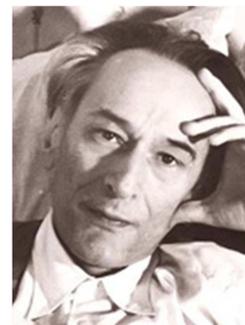

Даниил Андреев «Я вестник другого дня».

За днями дни... Дела, заботы, скука
Да книжной мудрости отбитые куски.
Дни падают, как дробь, их мертвенного стука
Не заглушит напев тоски.
Вся жизнь — как изморозь. Лишь на устах осанна.
Не отступаю вспять, не настагаю вскачь.
То на таких, как я, презренье Иоанна —
Не холоден и не горяч!
1928

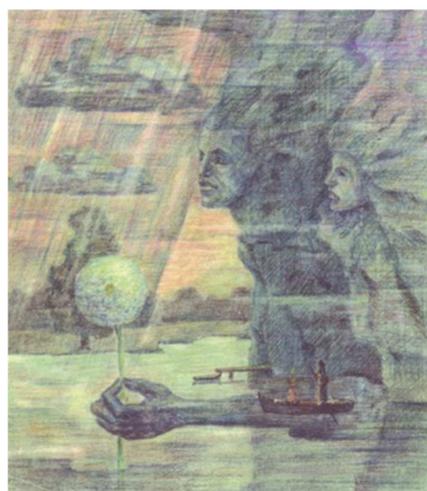
Милый друг мой, не жалею о старом,
Ведь в тысячелетней глубине
Зрело то, что грозным пожаром
В эти дни проходит по стране.

Вечно то лишь, что нерукотворно.
Смерть — права, ликуя и губя:
Смерть есть долг несовершенной формы,
Не сумевшей выковать себя.
1935

Не помним ни страстей, ни горя, ни обид мы,
Воздушный светлый вал принять в лицо спеша,
Когда от образов, одетых в звук и ритмы,
Как странник в ураган, замедлит путь душа.

Глаза ослеплены. Кипенье, колыханье
Всё ширится, растёт — лица не отвернуть —
И чьё-то чуждое, огромное дыханье
Внедряется и рвёт, как ветром встречным, грудь.

Всё смолкнет. Даль чиста. И мудрые ладони
Несут нас как ладья в стихающем русле
На солнечную гладь ликующих гармоний,
Чьей славы не вместят напевы на земле.

Есть строки Памяти, — не истребить, не сжечь их,
Где волны времени, журча среди камней,
В заливах сумрачных лелеют сонный жемчуг
Невозвратимых чувств, необратимых дней.
И, в тёмных завитках хранящая годами
Волн юности моей давно утихший гул,
Там раковина есть — как бледный лунный камень,
Чей голос я любил, чьё сердце разомкнул.
Любил — забвенья нет. И в ночь тоски широкой
Склонясь на перламутр устами прежних дней,
Я слушаю, томясь, глухой протяжный рокот, —
Напев моей судьбы, запечатлённый в ней.

Сколько ты миновал рождений,
И смертей, и веков, и рас,
Чтоб понять: мы земные сени
Посещаем не в первый раз.

Эту память поднять, как знамя,
Не всем народам дано:
Есть избранники древней памяти,
Отстоявшейся, как вино.

Им не страшны смертные воды,
Заливающие золотой путь...
Как светло у такого народа
Глубокая дышит грудь!

Будто звёзды с облачной ткани,
Словно жемчуг на смутном дне
Цепь расцветов и увяданий
Ныне брезжит сквозь смерть и мне.

***

Я не знаю, какие долины
Приютят мой случайный привал:
Кликнул вдаль меня клин журавлиный,
По родимым дорогам позвал.

Нет за мной ни грозы, ни погони;
Где ж вечернюю встречу звезду,
К чьим плечам прикоснутся ладони
Завтра в тёмном, бесшумном саду.

Мук и боли ничьей не хочу я,
Но луной залиты вечера,

Сохраню ль до смертных лет, до старости,
До моей предсмертной тишины
Грустный пламень нежной благодарности,
Неизбежной боли и вины?
Ведь не в доме, не в уютном тереме,
Не в садах изнеженной весны -
В непроглядных вьюгах ты затеряна,
В шквалах гроз и бурь моей страны.

И таинственно сердце, кочуя
По излучинам зла и добра.

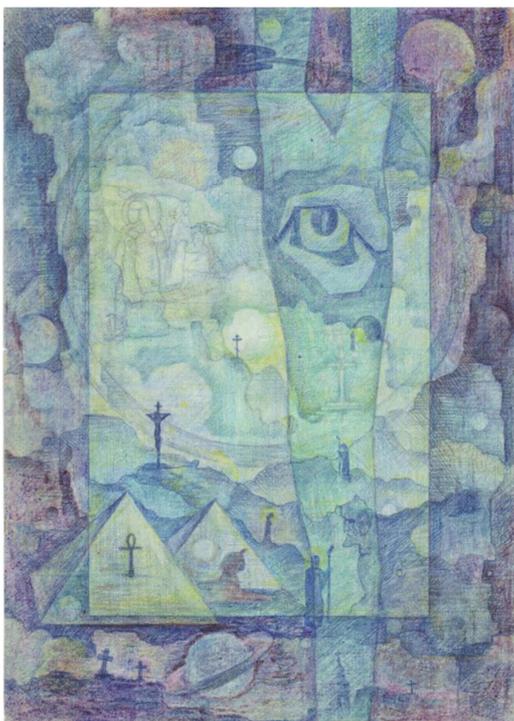
Прохожу, наслаждаясь, страдая,
По широкой Руси прохожу –
Ах, длинна ещё жизнь молодая,
И далёк поворот к рубежу!

Снова море полей золотое,
Снова тучи, летящие прочь...
Высоко моё солнце святое,
Глубока моя синяя ночь.

1937-1950

Лишь не гаснут, лёгкие, как вестницы,
Сны о дальнем имени твоём,
Будто вижу с плит высокой лестницы
Тихий-тихий, светлый водоём.
Будто снова - в вечера хрустальные
Мы проходим медленно вдвоём
И опять, как в дни первоначальные,
Золотую радость жизни пьём.
1942

Не ради звонкой красоты,
Как, может быть, подумал ты,
Не блеска ради
Ввожу я новые слова,
Так странно зримые сперва
Вот здесь, в тетради.

В словах испытанных - уют.
Но в старые мехи не льют
Вина молодого.
Понятным новым - новый знак
Обязан дать поэт и маг,
Искатель слова.

Нет, я из книг их не беру.
Они подсказаны перу
Златыми снами.
Они - оттуда, где звенят
Миры других координат,
Соседних с нами.
1955

А еще я люблю их -
Прутья старых оград у церквей,
Если в медленных струях
Нежит их полевой тиховой.

Здесь бурьян и крапива
Да лиловые шапки репья,
И всегда терпелива
В раскаленной пыли колея.

Ноги ноют от зноя,
От огня многоверстных дорог...
Ляг, ветришка, со мною
У спокойной ограды, в тенек.

Вон у бедной могилы
Исполинская толщь лопуха

Дышит кроткою силой,
Молчаливою думой тиха.

Люди, люди! Напрасно
Вы смеетесь над этим листом:
Его жилки - прекрасны,
Ведь пеклись стихиали о том.

Убеленные пылью,
Эти листья над прахом взошли,
Как смиренные крылья
Старых кладбищ и вечной земли.

И отраднo мне знанье,
Что мечта моя будет - в стихе,
Дух - в небесном скитанье,
Плоть же - в мирном, седом лопухе.

1950

Саморазрушение

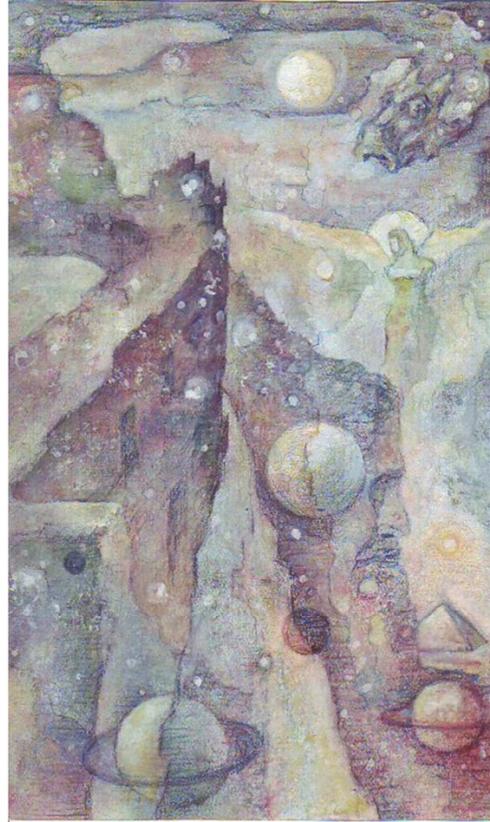
Когда я холодно расторг
Завет, хранимый испокон,
О нет: то не был низкий торг
За право на самозакон.

Я твёрдо знал: возврата нет.
Есть горечь сладкого стыда,
Хмель наслаждений, волны бед,
Размах восстанья, ночь Суда.

Я знал, что глубже всех страстей
Есть Дно, откуда нет вестей,
Где так блаженно жмут тиски
Неискупляющей тоски.

Давно иссяк бы самый ад,
Когда бы не таило зло
В себе сладчайшей из наград
От спуска вниз, во мрак, на тло,

«Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...»
Не на краю, а в глубине
Восторг последний мнился мне.
1941

А сердце еще не сгорело в страданье,
Все просит и молит, стыдась и шепча,
Певучих богатств и щедрот мирозданья
На этой земле, золотой как парча.

Неведомых далей, неслышанных песен,
Невиданных стран, непройденных дорог,
Где мир нераскрытый - как в детстве чудесен,
Как юность пьянящ и как зрелость широк.

Безгрозного полдня над мирной рекою,
Куда я последний свой дар унесу,
И старости мудрой в безгневном покое
На пасеке, в вечно шумящем лесу.

Я сплю, - и все счастье грядущих свиданий
С горячей землею мне снится теперь,
И образы невоплощенных созданий
Толпятся, стучась в мою нищую дверь.

Учи же меня! Всенародным ненастьем
Горчайшему самозабвенью учи,
Учи принимать чашу мук - как причастье,
А тусклое зарево бед - как лучи!

Когда же засвищет свинцовая вьюга
И шквалом кипящим ворвется ко мне -
Священную волю сурового друга
Учи понимать меня в судном огне.

1941

Ночь горька в уединённом доме.
В этот час – утихшая давно –
Плачет память. И опять в истоме
Пью воспоминанья, как вино.

Там, за городскими пустырями,
За бульваром в улице немой
Спит под газовыми фонарями
Снег любви зеленоватый мой.

Отдыхай под светом безутешным,
Спи, далёкий, невозвратный – спи.
Годы те – священны и безгрешны,
Справедливы, как звено в цепи.

Но зачем же головокруженье
Захватило сердце на краю
В долгий омрак страстного паденья,
В молодость бесславную мою?

Как расширить то, что раньше сузил?
Как собрать разбросанное псам?
Как рассечь окаменевший узел,
Как взрастить, что выкорчевал сам?

И брожу я пленником до света
В тишине моих унылых зал...
Узел жизни – неужели это,
Что я в молодости завязал?

Другие твердят о сегодняшнем дне.
Пусть! Пусть!
У каждого тлеет - там, в глубине -
Таинственнейшая грусть.

Про всенародное наше Вчера,
Про древность я говорю.
Про вечность. Про эти вот вечера,
Про эту зарю.

Про вызревающее в борозде,
Взрыхленной плугом эпох,
Семя, подобное тихой звезде,
Но солнечное, как Бог.

Не заговорщик я, не бандит, -
Я вестник другого дня.
А тех, кто сегодняшнему кадит -
Достаточно без меня.

1949

Рисунки: Корчак В., Помещикова Л., Шишкин И.